

Dis: 115, 953

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКѢ

ИНДО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

И. Бодуэна де-Лурмена.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография В. С. Баганцева, Средняя Подъячская, № 1.

1882.

Средняя Подъячская, д. № 1.
2301.

0 127903

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го декабря 1881 года.

Между предметами, читаемыми въ историко-филологическихъ факультетахъ русскихъ университетовъ, полагается по уставу 1863 года сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ. Кромѣ того, въ книгахъ и въ учено-литературныхъ журналахъ можно встрѣтить иногда этотъ терминъ. Между тѣмъ, вѣроятно, только немногіе изъ образованныхъ читателей имѣютъ вполне ясное понятіе о томъ, что такое слѣдуетъ понимать подъ этимъ названіемъ, тогда какъ предметъ другихъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетахъ, понятенъ для большинства образованныхъ людей. Поэтому я считаю не лишнимъ, по мѣрѣ силъ и возможности, отвѣтить въ этой статьѣ на вопросъ: что такое—сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ?

Въ этомъ названіи соединены два понятія: „сравнительная грамматика“ и „индо-европейскіе языки“. Такимъ образомъ нашъ общій вопросъ распадается на два частные вопроса: 1) что такое сравнительная грамматика? 2) что такое индо-европейскіе языки?

Постараюсь прежде всего отвѣтить на первый вопросъ: что такое сравнительная грамматика?

Всѣмъ образованнымъ людямъ извѣстно, что существуетъ наука, называемая ботаникой, и что предметъ занятій этой науки состоитъ въ научномъ изслѣдованіи растений; затѣмъ—что существуетъ зоологія, занимающаяся научнымъ изслѣдованіемъ животныхъ; что наука, называемая астрономіей, занимается научнымъ изслѣдованіемъ небес-

ныхъ тѣлъ, и т. д. Вездѣ мы замѣчаемъ, съ одной стороны, извѣстную сумму однородныхъ явленій, а съ другой — пытлиное, научное отношеніе человѣческаго ума къ этимъ явленіямъ.

Какъ растенія, животныя, небесныя тѣла и т. д., также точно и языки представляютъ собраніе однородныхъ явленій, и вслѣдствіе того, могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Наука, основывающаяся на идеальномъ, и надо сказать, никогда не осуществимомъ стремленіи человѣческаго ума узнать всѣ подробности, входящія подъ общую категорію слова человѣческаго или языка, называется или изслѣдованіемъ языковъ, наукой о языкѣ, языкознаніемъ, языковѣдѣніемъ и т. п., или же лингвистикой (отъ латинскаго *lingua*, языкъ), глоттикою, глоттологіей (отъ греческаго *γλῶσσα* (*glōssa*) или *γλῶττα* (*glōtta*), языкъ, и *λόγος* (*lógos*), слово, рѣчь, — стало-быть, глоттологія значитъ „рѣчь, наука о языкѣ“, какъ зоологія — „рѣчь, наука о животныхъ“, и т. д.

Относительно названій „лингвистика“, какъ наука о языкѣ, и „лингвистъ“, въ значеніи „изслѣдователя языка“, я долженъ замѣтить, что эти названія употребляются тоже для обозначенія практическаго знанія многихъ языковъ. Съ этой точки зрѣнія, „лингвистъ“ есть человѣкъ, знающій практически много языковъ, то-есть, объясняющійся на нихъ безъ затрудненія. Такимъ знаменитымъ лингвистомъ, въ этомъ именно смыслѣ, былъ кардиналъ Мепцофанти, подъ конецъ жизни говорившій исправно, по преданію, на 58 языкахъ. Никто, конечно, не въ правѣ навязывать другому свой собственный взглядъ на вещи, и тѣмъ болѣе никто не можетъ требовать отъ людей, употребляющихъ слово „лингвистъ“ въ только что упомянутомъ значеніи, чтобъ они въ угоду намъ отказались отъ своей привычки. Но какъ бы то ни было, понятія о „лингвистѣ“, какъ практическомъ знатокѣ и воспроизводителѣ языковъ, нельзя смѣшивать съ понятіемъ о „лингвистѣ“, какъ ихъ научномъ изслѣдователѣ. Если человѣкъ, способный подвергаться самымъ разнообразнымъ и самымъ интереснымъ болѣзнямъ, не есть вовсе изслѣдователь этихъ болѣзней или ученый медикъ, если человѣкъ, совершающій въ исправности всѣ физическія отправленія или функціи, не есть вовсе изслѣдователь этихъ функцій или физиологъ, если хорошій исполнитель писанныхъ законовъ вовсе не есть ихъ изслѣдователь, если гениальный поэтъ далеко не тождественъ съ психологомъ, изслѣдующимъ процессъ поэтическаго творчества, — то и человѣка, совершающаго исправно языковой процессъ на всевозмож-

ные лады, нельзя вовсе считать научнымъ изслѣдователемъ языка или же языковъ. И даже часто случается, что люди, отличающіеся замѣчательными способностями къ практическому усвоенію чужихъ языковъ, оказываются совершенно неспособными относиться сознательно и научно къ явленіямъ хотя бы только отечественнаго языка; слѣдовательно, они не могли бы никогда сдѣлаться лингвистами въ теоретическомъ смыслѣ этого слова. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, что теоретическій изслѣдователь какого-нибудь языка или же группы языковъ долженъ пренебрегать ихъ практическимъ знаніемъ; напротивъ того, чѣмъ обширнѣе фактическія познанія по этой части тѣмъ легче и тѣмъ съ болѣшимъ успѣхомъ можно работать въ нашей наукѣ. Вѣдь точно также для ботаника и для зоолога весьма желательно самое обстоятельное по возможности знакомство со всѣми видоизмѣненіями изслѣдуемыхъ ими существъ. И хотя природа языка и сложность и богатство представляемыхъ имъ фактовъ дѣлаютъ невозможнымъ для изслѣдователя языка такое знаніе своего предмета, какое доступно ботанику или же зоологу, тѣмъ не менѣе необходимо стремиться къ усвоенію по возможности большаго числа языковъ и къ самому основательному ихъ изученію. Во всякомъ случаѣ однако, даже практическое изученіе языковъ теоретическими лингвистами отличается отъ чисто практическаго ихъ изученія кардиналомъ Мепцофанти и другими ему подобными тѣмъ, что первые изучаютъ факты языка вполне сознательно, а цѣль послѣднихъ со, стоитъ только въ совершенно безсознательномъ владѣніи тѣмъ или другимъ языкомъ при помощи врожденныхъ имъ чисто подражательныхъ способностей.

Съ другой стороны, если садовникъ, основательно ознакомленный съ самымъ громаднымъ количествомъ растеній, или же содержатель и практический знатокъ самаго богатаго звѣринца и акварія не могутъ еще претендовать на названіе ботаника или зоолога, то точно также не вѣрно было бы называть лингвистомъ того, кто ограничивается болѣе или менѣе страдательнымъ, хотя бы даже самымъ обстоятельнымъ, знаніемъ однихъ только подробностей языка или же языковъ, или же однимъ только описаніемъ отдѣльныхъ частей языка, безъ всякой другой цѣли, какъ только именно это страдательное знаніе и описаніе подробностей. Есть, правда, ученые, которые сами себя считаютъ и даже другими признаются за изслѣдователей языка, и которые однакоже видятъ всю мудрость и конечную цѣль языковѣдѣнія, по части литературы — въ составленіи описательныхъ грамматикъ.

тикъ, словарей и въ изданіи памятниковъ разныхъ языковъ, а по части знанія и преподавательской дѣятельности — въ ознакомленіи себя и другихъ только съ тѣмъ, что дается описательными грамматиками, словарями и изданіями памятниковъ, при чемъ де должно быть строжайше запрещено дѣлать какія бы то ни было болѣе широкія обобщенія и высказывать какія бы то ни было гипотезы. Обыкновенно къ подобнаго рода гонителямъ научной мысли вполне примѣнима латинская пословица: *Arts non habet osorem, nisi ignorantem* (искусство, или же науку, преслѣдуютъ только люди, незнакомые съ нею) Ограничиваясь при изслѣдованіи явленій языка исключительно только описательною стороною, эти господа дѣлаютъ это вовсе не изъ какой-нибудь скромности, а напротивъ того, гордятся своею воздержанностью и „положительностью“. По моему же, здѣсь не чѣмъ гордиться. Видѣть конечную цѣль извѣстной науки въ одномъ только собираніи матеріала и отказывать себѣ во всѣхъ обобщеніяхъ и гипотезахъ — значитъ, не понимать вовсе, что такое наука вообще, а данная наука въ частности. И такъ, языковѣдніе, на сколько оно принадлежитъ къ числу наукъ, должно стремиться къ самымъ широкимъ обобщеніямъ, соблюдая, конечно, при этомъ всѣ условія точности и осмотрительности индуктивнаго метода.

Многими признается сравненіе за отличительный признакъ нашей науки, и поэтому они весьма охотно говорятъ о „сравнительномъ языковѣдніи“ или „сравнительномъ языкознаніи“ (*vergleichende Sprachwissenschaft*), о „сравнительномъ изслѣдованіи языка“ (*vergleichende Sprachforschung*) или о „сравнительной филологіи“ (*philologie comparée, comparative philology*), или же наконецъ, о „сравнительной грамматикѣ“ (*vergleichende Grammatik, grammaire comparée*) и т. д.

Что касается перваго рода названія, „сравнительное языковѣдніе“ или т. п., то прилагательное „сравнительное“ является здѣсь совершенно лишнимъ. Ибо не только каждый научный выводъ, но даже самое простое сужденіе есть результатъ сравненія. Такъ напримѣръ, сужденіе „снѣгъ бѣлъ“ представляетъ результатъ сравненія цвѣта снѣга съ цвѣтомъ другихъ предметовъ. Произнося 1, 2, 3...., мы тѣмъ же самымъ сравниваемъ числовыя величины; а такъ какъ всѣ математическія величины являются результатомъ извѣстнаго сравненія, и такъ какъ все математическое мышленіе есть не что иное, какъ сравненіе своего рода, то прежде всего слѣдовало бы говорить не „математика“, а „сравнительная математика“. Роль же, которую

сравненіе играетъ въ языковѣдніи, оно исполняетъ и во всѣхъ индуктивныхъ наукахъ: только при помощи сравненія можно обобщать факты и пролагать дорогу примѣненію дедуктивнаго метода. Поэтому опредѣленіе „сравнительная“ равнымъ правомъ подходитъ къ словамъ: „географія“, „геологія“, „зоологія“, „ботаника“, „исторія“, „психологія“ и т. д., однимъ словомъ, съ этой точки зрѣнія всѣ науки сравнительны.

Но впрочемъ при „сравнительномъ языковѣдніи“ прилагательное „сравнительное“ имѣетъ историческое значеніе. Оно обязано своимъ происхожденіемъ новой школѣ, новому направленію въ языковѣдніи, сдѣлавшему громадныя открытія. Это направленіе выразилось въ сравненіи между собою нѣсколькихъ группъ языковъ родственныхъ, по преимуществу же въ сравненіи языковъ „индо-европейскихъ“ (въ началѣ текущаго столѣтія). Подобное же историческое значеніе имѣютъ названія „сравнительная анатомія“, „сравнительная географія“, „сравнительная мифологія“, „сравнительное правовѣдніе“ и т. д. Но все-таки это только одинъ моментъ въ исторіи науки, моментъ, когда сравненіе въ неизвѣстномъ до сихъ поръ съ научной точки зрѣнія направленіи привело къ громаднымъ и совершенно новымъ результатамъ.

Названіе „сравнительная филологія“, кромѣ лишняго прилагательнаго „сравнительная“ не точно еще и потому, что подъ словомъ „филологія“ мы понимаемъ обыкновенно другую науку, объ отношеніи которой къ языковѣднію будетъ сказано послѣ.

Наконецъ, примѣнять названіе „сравнительная грамматика“ къ языковѣднію вообще значитъ брать *partem pro toto* (часть вмѣсто цѣлаго), потому что сравнительная грамматика, или просто, грамматика является только одною частью языковѣднія, которое задается не исключительно только грамматическими, но и другими вопросами. Прилагательное „сравнительная“ здѣсь точно также совершенно лишнее: каждая грамматика есть сравнительная, настоящая же научная грамматика извѣстнаго языка можетъ быть только одна, то-есть, съ одной стороны, индуктивная, а съ другой — историческая и сравнительная въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова.

И такъ, если науку часть которой составляетъ „сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ“, называть не по переходящимъ ей направленіямъ, не по извѣстнымъ, совершаемымъ въ ней научнымъ операціямъ, а по предмету изслѣдованія во всей его полнотѣ, то въ такомъ случаѣ, на подобіе „естествовѣднія“ или

„естествознания“, самое умѣстное названіе для науки, предметомъ которой служить языкъ, будетъ просто или „изслѣдованіе языка и рѣчи человѣческой вообще“, или „языковѣдѣніе“, или „языкознание“ и т. д. или „лингвистика“, „глоттологія“, „глоттика“, и т. п. Подобныя названія ничего не предрѣшаютъ, а указываютъ только на предметъ, изъ области котораго берутся научные вопросы. Впрочемъ, можно называть извѣстную науку, какъ кому угодно, и въ особенности можно величать ее „сравнительною“, лишь бы только знать, что сравненіе здѣсь не цѣль, а только одно изъ средствъ, и что оно есть не исключительная принадлежность языкознанія, а общее достояніе всѣхъ безъ исключенія наукъ.

Языковѣдѣніе распадается прежде всего на чистое и прикладное. Чистое занимается вопросами чисто лингвистическими, то есть, оно изслѣдуетъ языки и на основаніи частныхъ изслѣдованій дѣлаетъ общіе выводы; прикладное же — примѣняетъ результаты чистаго языковѣдѣнія къ вопросамъ изъ области другихъ наукъ (міеологіи, этнографіи, этногеніи, до-исторической исторіи, исторіи культуры и т. д.).

Чистое языковѣдѣніе можно дѣлить на двѣ части: 1) положительную и 2) трансцендентальную. Положительное языковѣдѣніе ограничивается выводами изъ доступныхъ изслѣдованію фактовъ, трансцендентальное же — задается такими вопросами, которые лежатъ собственно за предѣлами доступной изслѣдованію дѣйствительности и могутъ быть рѣшены по преимуществу только умозрительно и съ помощью аналогического умозаключенія. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, вопросъ о началѣ слова человѣческаго и т. п. Но, хотя сами вопросы трансцендентальны, то есть, относятся къ фактамъ, которыхъ нельзя ни наблюдать, ни провѣрить, однако методъ долженъ быть положительный.

Нѣкоторые лингвисты исключаютъ совершенно изъ области лингвистики или языковѣдѣнія подобнаго рода вопросы и представляютъ ихъ всецѣло на рѣшеніе такъ называемымъ философамъ языка, а эти послѣдніе, съ своей стороны, присвоиваютъ себѣ область, на которую ихъ положительныя знанія не даютъ имъ ни малѣйшаго права. По моему, философія языка безъ основательнаго знанія результатовъ положительнаго языковѣдѣнія не можетъ вовсе существовать какъ серьезная наука а только какъ переливаніе изъ пустого въ порожнее, или же какъ пріятное препровожденіе времени: точно также какъ натуръ-философъ безъ основательнаго знанія естествен-

ныхъ наукъ не можетъ вовсе считаться серьезнымъ ученымъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что, какъ въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, такъ и въ языковѣдѣніи, существуетъ раздѣленіе труда, и что одни изъ лингвистовъ занимаются по преимуществу положительною частью своей науки, а другіе — по преимуществу частью трансцендентальною. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго соединить въ себѣ знанія философа съ основательнымъ знаніемъ положительнаго языковѣдѣнія.

Первую и вмѣстѣ съ тѣмъ основную и самую важную часть языковѣдѣнія составляетъ языковѣдѣніе положительное, распадающееся на два отдѣла: 1) грамматику и 2) систематику или классификацію языковъ. Грамматика есть всесторонній анализъ составныхъ частей человѣческаго языка или же языковъ; систематика же занимается упорядоченіемъ языковъ, какъ недѣлимыхъ цѣлыхъ, по ихъ отличительнымъ признакамъ и по ихъ генетическому, настоящему родству.

Основаніемъ всему языковѣдѣнію служитъ грамматика. Она въ свою очередь дѣлится на нѣсколько частей, сообразно съ природою разбираемаго языка. Такъ, на примѣръ, въ примѣненіи къ языкамъ „индо-европейскимъ“ она распадается на фонетику или науку о звукахъ, морфологію или науку о знаменательныхъ частяхъ слова въ ихъ взаимной связи, и наконецъ, синтаксисъ или науку о сочетаніи словъ въ предложеніяхъ и объ ихъ значеніи въ подобныхъ сочетаніяхъ. Но такое раздѣленіе примѣнимо не ко всѣмъ безъ исключенія языкамъ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ остерегаться всего апіористическаго. Какъ остеологія, то есть, наука о костяхъ, возможна только при разсмотрѣніи тѣхъ животныхъ, у которыхъ есть кости, какъ изслѣдованіе законодательства и вообще законовѣдѣніе возможно при изслѣдованіи только тѣхъ народовъ, у которыхъ есть писанные законы, точно также, на примѣръ, наука о падежныхъ и личныхъ окончаніяхъ, какъ часть грамматики, возможна при разсмотрѣніи только тѣхъ языковъ, которымъ въ самомъ дѣлѣ свойственны падежныя и личныя окончанія. Отсюда видна вся несостоятельность тѣхъ общихъ, апіористическихъ или такъ называемыхъ „философскихъ грамматикъ“, въ которыхъ есть мѣсто, на примѣръ, только для четырехъ падежей, ничуть ни меньше, ни больше, то есть, для „wer-fall“, „wess-fall“, „wem-fall“ и „wen-fall“ („именительный“, „родительный“, „дательный“ и „винительный“),

не смотря на то, что во многих языках нѣтъ вовсе никакого fall'a (падежа), а въ другихъ ихъ бываетъ даже нѣсколько десятковъ.

По довольно распространенному мнѣнію, глоттологія (лингвистика) или языковѣдѣніе смѣшивается съ филологіей. Для устранения этой неточности во взглядѣ на нашу науку, я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о взаимномъ отношеніи языковѣдѣнія и филологіи. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря объ отношеніяхъ отдѣльныхъ наукъ, можно имѣть въ виду только положительныя данныя отдѣльныхъ наукъ, какъ упражненія человѣческаго ума надъ суммой однородныхъ, тѣсно между собою связанныхъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ фактовъ и понятій. Какъ науки должны бы раздѣляться „по своей идеѣ“ — до насъ вовсе не касается. Можно себѣ, зажурия глаза, строить прекрасныя системы, распредѣляя науки по дивизіямъ, на знаменахъ которыхъ красуются: „Богъ“, „природа“, „человѣкъ“, и затѣмъ по полкамъ, основаніемъ которыхъ послужатъ разныя логическія категоріи: пространство, время, количество, качество и т. д., но все это не измѣнитъ существующихъ связей между науками.

Итакъ, филологія классическая есть изслѣдованіе душевной жизни обоихъ такъ-называемыхъ „классическихъ“ народовъ — Греческаго и Римскаго, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Точно то же германская филологія по отношенію къ Германскимъ народамъ, славянская по отношенію къ народамъ Славянскимъ, и т. д.

Мнѣніе, что можетъ существовать филологія только культурныхъ народовъ, есть научный предразсудокъ, основанный на научномъ аристократизмѣ, по которому только „благородные“ имѣютъ право на вниманіе науки. Правда, что въ самомъ дѣлѣ исторически развились и процвѣтали до сихъ поръ только филологіи народовъ такъ-называемыхъ „историческихъ“ или „культурныхъ“. Но въ новѣйшее время появилось стремленіе, общее впрочемъ всѣмъ наукамъ, не ограничиваться одними только аристократами, но обращать вниманіе на всѣхъ безъ исключенія людей. Кто изучаетъ „варваровъ“ или „первобытные народы“ во всѣхъ отношеніяхъ, языка, словесности (настоящей словесности), вѣрованій, обычаевъ, культуры и т. д., тотъ тоже филологъ, хотя и не величаетъ себя этимъ именемъ.

Итакъ, общая филологія есть, по идеѣ, изслѣдованіе душевной жизни всѣхъ безъ исключенія народовъ. Само собою разумѣется, что еще не нашлся человѣкъ, который — выражаясь философски — могъ бы „осуществить“ собою хотя бы только приблизительно идею по-

добной общей филологіи. Задача изслѣдовать все стороны душевной жизни хотя бы только одного народа, или много-много, одной группы народовъ такъ огромна, что ее хватить, пожалуй, на всю жизнь одного лица. Поэтому-то мы знаемъ о филологахъ классическихъ, занимающихся изученіемъ душевной жизни Римлянъ и Грековъ, затѣмъ о филологахъ германскихъ, славянскихъ, индійскихъ, арабскихъ и т. д., но о филологахъ, хотя бы только „индо-европейскихъ“ мы какъ-то до сихъ поръ не слышали, и по всей вѣроятности, никогда слышать не будемъ. Правда, что тоже ни одинъ человѣкъ не былъ и не будетъ въ состояніи „осуществить“ собою идею общаго языковѣдѣнія, какъ научнаго знанія всѣхъ языковъ и знакомства со всѣми результатами отдѣльныхъ изслѣдованій по части всѣхъ извѣстныхъ доселѣ племенъ языковъ. Но, сосредоточиваясь на одной только сторонѣ проявленія душевной жизни человечества, то-есть, на языкѣ, можно гораздо болѣе расширить область своихъ изслѣдованій и заниматься съ успѣхомъ не только одною отраслью языковъ, въ родѣ языковъ „индо-европейскихъ“, но даже нѣсколькими подобными отраслями, и затѣмъ, на основаніи аналогическихъ заключеній, объ общихъ свойствахъ всѣхъ языковъ, развить въ себѣ приблизительно вѣрное понятіе о языкѣ человѣческомъ вообще.

Итакъ, отношеніе филологіи и лингвистики можно выразить слѣдующимъ образомъ: Для филолога центромъ, около котораго группируются все его занятія, являются одни и тѣ же носители всѣхъ проявленій душевной жизни, какъ-то: языка, вѣрованій, сказаній, письменности, культуры и т. д., или другими словами, одни и тѣ же народы; изслѣдованія же лингвиста связываются въ одно цѣлое однородностью той стороны проявленія душевной жизни разныхъ народовъ, которая называется языкомъ.

Впрочемъ, все это имѣетъ мѣсто только въ отвлеченіи. Въ дѣйствительности же возможно успѣшное соединеніе въ одномъ лицѣ самостоятельныхъ занятій по части, напримѣръ, классической или же славянской филологіи съ чисто лингвистическими изслѣдованіями въ области, напримѣръ, „индо-европейскихъ“ языковъ.

Видѣть, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, различіе филологіи и лингвистики въ томъ, что первая есть наука историческая, а вторая — естественная, и затѣмъ ставить эти двѣ науки въ какія-то деприазненные другъ другу отношенія, не имѣетъ, по моему, достаточнаго основанія, кромѣ личныхъ вкусовъ, предразсудковъ и произвольныхъ толкованій отдѣльными учеными воображаемыхъ задачъ той и другой